

● Европейскому театральному фестивалю в Авиньоне не дает покоя Африка..... 21

● Ревизия летних музыкальных фестивалей..... 22

Новая газ-2006-20-23 июля - с. 19-20

актер вроде бы молодой и совершенно не «суперзвезд-астием неизбежно попада-альных и международных на «Кинотавре-2006» были тины с ним — «Свободное ников и «Мне не больно» полнителю главных ролей в винова и Александр Яценко чшую женскую и мужскую е никуда не деться от стату-текающими.

«Даже про себя не знаю, решил ли бы я на такое во второй раз, — я поехал в Москву, не зная ничего»

Негерой-любовник

Александр ЯЦЕНКО:

«В фильме «Мне не больно» Балабанов мог бы взять какого-нибудь «аполлона», а не меня. А взял меня — это смело, по-мужски»

— Вы поработали преподавателем?

— Преподавал долго — четыре месяца на практике в школе в Волгограде. Сделал что-то вроде спектакля-викторины для детей 5 — 6-х классов. Это был «Тот самый Мюнхгаузен», я даже использовал музыку из захаровского фильма. Полный платиат. Сам играл там Мюнхгаузена. Это было для меня каким-то подарком судьбы и личной победой уже потому, что этот класс одинок после постановки «Мюнхгаузена» сплоти-... Потом была практика в другой школе, потом даже с микродетями в детском саду — делал утренники на 23 февраля, на 8 Марта, на Масленицу...

— Посмотрев гастрольные спектакли курса Захарова, вы поехали поступать к нему в ГИТИС. Легко поступили?

— Поступал легко. А на конкурсе меня скинули. Потом сказали, что могут взять вольным слушателем, если есть желание и есть где жить. Я сказал, что есть.

— Трудно жить провинциалу?

— Основная проблема провинции — недостаток разного рода информации. На уровне какого-то знания складывается твой перечень возможностей. В Москве ты думаешь: попробую пойти туда-то, не получится — перейду в другое место. А в провинции ты даже не знаешь, что можно попробовать. Там все идет по какой-то неизбежной схеме: отучился в школе, пошел в институт, устроился на работу, семья, дети — и все! И ты уже сидишь дома и ни к чему не стремишься, потому что у тебя есть работа и семья. Наверное, это неплохо, если ты в этом находишь какой-то кайф, — почему нет? Я даже про себя не знаю, решил ли бы я на такое во второй раз, — я поехал в Москву, не зная ничего.

— Было страшно?

— Было и страшно, и иногда хотелось все бросить и поехать к родителям, чтобы нормально поесть и пожить. Но воспитали так, что и пожа-

ловаться никому нельзя. У меня был период, когда я жил в домах под снос. Сначала мне просто приятель отдал ключи от дома, из которого они съезжали. Там еще месяца полтора не отключали ни воду, ни газ, и я там жил вполне нормально. Просто живешь в пустом доме, приходят какие-то люди из ЖЭКа, говорят: «Что вы здесь делаете? А вы вообще кто? Чтобы ко вторнику вас не было!». Потом находишь другое такое же жилье, людей, таких же, как ты, пытаешься общаться... И это был период после института, когда я уже работал в «Табакерке».

— А почему вы не жили в общежитии?

— Я же контрактник! Табакос спросил меня: «А где твоя трудовая книжка?». А я вообще не знаю, как она выглядит. У меня никогда не было трудовой книжки.

(Окончание материала Светланы ПОЛЯКОВОЙ — на стр. 20)

20

№54 (1176) 20.07—23.07.2006 г.

Новая газ-2006-20-23 июля - с. 19-20

(Окончание. Начало на стр. 19)

— Вы до сих пор контрактник?

— Да! Просто когда мне нужно было жилье, мне его не предложили, тогда бы я и в штат пошел. В свое время это как-то не произошло, и я не парюсь на эту тему. Сейчас, два года спустя, я уже купил себе жилье. А тогда было абсолютное незнание того, что будет дальше. Три года не снимался (после «Шика»), и однажды мне сказали, что Бутусов видел меня в спектакле «Когда я умираю» и хочет дать роль. Я пришел и недели через три понял, что хожу с массовой — с выпускниками третьего курса Каменевки. То, что, на мой взгляд, можно было сделать за короткое время, у Бутусова тянулось бесконечно, он приходил и говорил: «Давайте музыку послушаем, я не знаю, что делать». И вот так вот каждый день. У него ничего не рождалось. Его, конечно, нельзя винить. Я подумал: «Что я делаю? Так спокойно смирился, хожу месяц в массовой, и нет не только какого-то удовлетворения, но даже ни одной найденной актерской шутки (а ведь говорили: роль, мне негде жить. Денег нет, сижу в Москве, знакомых никого нет (к тому времени я уже достал всех своих друзей, у которых при-страивался пожить). Надо все менять, даже если придется уходить с этого проекта!». И я уехал в Волгоград. И туда мне позвонили в день маминого рождения и сказали: «Саша, поздравляем! Ты утвержден на «Декамерона» (имеется в виду роль в «Солдатском декамероне» Прошкина. — С.П.). Я сказал: «Я счастлив». И мне сняли жилье на период съемок. И платили какие-то деньги (не самые большие, потому что я был никто), и я согласился, не торгуясь. «Солдатский декамерон» мне хоть какую-то придал форму. Я хоть как-то встал на ноги...

— До «Солдатского декамерона» вы приняли участие в венском фестивале альтернативного театра Festwoche...

— Меня позвал с собой Женя Гришковец — мы с ним тогда затевали что-то совместное, но не получилось. Он был тогда еще кемеровский, но уже два года как стал известен со своей «Собакой». В Вене он направил меня к каким-то бра-зилиям, которые приехали, чтобы провести некую арт-акцию: они привезли куклы трупов в количестве 25 штук, разбросали по городу, и я в числе других должен был снимать на цифровую камеру реакцию мирных жителей. Мой труп был самый приличный — просто мужчина в синем пиджаке и не-лепой шляпе, необезображенный, без валяющегося рядом шприца (его потом поместили на первой странице местной газ-еты). Несмотря на разрешение мэра, местные жители были очень недовольны, кроме того, весь день приезжали машины «скорой помощи» по ложным вызовам. Я лично никакого ис-кусства в этом не находил. Но потом мне заплатили целых 200 евро за единственную фразу, произнесенную на пресс-кон-ференции: «Извините, я ничего не знаю про этот театр».

— У внезапно свалившей-ся славы есть свои положи-тельные стороны?

— Да! Просто когда мне нужно было жилье, мне его не предложили, тогда бы я и в штат пошел. В свое время это как-то не произошло, и я не парюсь на эту тему. Сейчас, два года спустя, я уже купил себе жилье. А тогда было абсолютное незнание того, что будет дальше. Три года не снимался (после «Шика»), и однажды мне сказали, что Бутусов видел меня в спектакле «Когда я умираю» и хочет дать роль. Я пришел и недели через три понял, что хожу с массовой — с выпускниками третьего курса Каменевки. То, что, на мой взгляд, можно было сделать за короткое время, у Бутусова тянулось бесконечно, он приходил и говорил: «Давайте музыку послушаем, я не знаю, что делать». И вот так вот каждый день. У него ничего не рождалось. Его, конечно, нельзя винить. Я подумал: «Что я делаю? Так спокойно смирился, хожу месяц в массовой, и нет не только какого-то удовлетворения, но даже ни одной найденной актерской шутки (а ведь говорили: роль, мне негде жить. Денег нет, сижу в Москве, знакомых никого нет (к тому времени я уже достал всех своих друзей, у которых при-страивался пожить). Надо все менять, даже если придется уходить с этого проекта!». И я уехал в Волгоград. И туда мне позвонили в день маминого рождения и сказали: «Саша, поздравляем! Ты утвержден на «Декамерона» (имеется в виду роль в «Солдатском декамероне» Прошкина. — С.П.). Я сказал: «Я счастлив». И мне сняли жилье на период съемок. И платили какие-то деньги (не самые большие, потому что я был никто), и я согласился, не торгуясь. «Солдатский декамерон» мне хоть какую-то придал форму. Я хоть как-то встал на ноги...

— Дают ли роли героев-любовников новые приемы поведения в жизни?

— То, что я делаю в кино, я никак не ассоциирую с жи-знью. Это просто игра.

— В жизни вы не играете?

— Играю, но роли в жизни гораздо менее ответственны, чем на сцене.

— А почему в фильме «Мне не больно» вы такой пухлый?

— Я прочитал про Евгения Леонова и подумал: «Может, я буду более интересен и выра-зительнее, если поплотнее?» — и стал сознательно полнеть: много пива пить и есть пельме-ни с майонезом. Потолстел в неравных пропорциях: оста-лись тоненькие ножки, при этом появилось брюхо. Я по-нял, что никому такой не ну-жен, толстый я совсем необя-зательный. Некрасивый жирный мальчик. В «Солдатском дека-мероне» я как раз такой — се-мидесятидвухкилограммовый. А в фильме «Мне не больно» я уже весил, наверное, кило-граммов шестьдесят, но рых-лость сохранилась.

— Вам самому нравится результат, который вы видите на экране?

«У меня не сдан только экзамен по мастерству. Но я думаю, что это свинство со стороны ГИТИСа — требовать от меня этой формальности»

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Появилась, может быть, обманчивая уверенность, что ты сделал что-то существенное. Я боюсь себя в чем-то превозносить (вот какой я, блин, сверхъестественный!), потому что понимаю, что вокруг был звездный состав, и я знаю всех, кого надо благодарить за эту роль. Если для кого-то имеет значение, что я снялся с таки-ми людьми, как Рената Литви-нова, Михаил Пореченков или Дмитрий Дюжев, то для меня это ничего не меняет. Правда. Я туда попал, поработал и до пре-мьеры забыл об этом. Ни с кем не общался на эту тему.

— Роли героев-любовников меняют самооценку?

— Мне было просто приятно, что я — герой-любовник. Такой нелепый типаж. Далекий от того героя-любовника, кото-рого я представлял себе в дет-стве. Все мои роли героев-лю-бовников — иронические. В «Декамероне» это полненький любовник-юморист, персонаж

— Я не могу оценивать кино, в котором снимался, как зритель. Вот я вижу, что на экра-не моему герою говорят: «По-брейся и отнеси эскизы», и вспоминаю, как мне перед этим сорок минут наклеивали шети-ну. А после того, как я умылся, оказалось, что что-то недосня-то, и мне опять наклеивали шети-тину в течение сорока минут. Балабанов говорил мне: «Не тормози и не парься!». Я, навер-ное, правильно понял, что та-кое не тормозить, — то есть в любой момент быть предельно включенным. Леша — он та-кой, что даже не артиста снима-ет хорошо. Он мне еще при зна-комстве сказал: «Я артистов не люблю». Я понял, о чем он го-ворит: о том нехорошем, что есть в артисте, — о пафосе, го-норе, которые оказываются об-маном, потому что на площадке все становится ясно. И в этом плане он — нормальный му-жик. Я рад факту знакомства с Балабановым. Хотя, когда в прошлом году посмотрел его «Жмурки», подумал: «Какой ужас! Как же можно?». Увидел там Алексея Панина, который говорит голосом Юрия Гальце-ва, и подумал: «Как же в такой ситуации должен чувствовать себя актер?». И вот сам попал в такую же ситуацию — моего ге-роя в фильме «Мне не больно» озвучивал Женя Миронов, на-верное, для придания интелли-гентности.

— У вас репутация челове-ка, который запросто может морду набить. Говорят, вас ис-

Негерой-любовник

веселый. И в фильме «Мне не больно» Балабанов мог бы взять какого-нибудь «аполлона», а не меня. А взял меня — это смело, по-мужски.

— Дают ли роли героев-любовников новые приемы поведения в жизни?

— То, что я делаю в кино, я никак не ассоциирую с жи-знью. Это просто игра.

— В жизни вы не играете?

— Играю, но роли в жизни гораздо менее ответственны, чем на сцене.

— А почему в фильме «Мне не больно» вы такой пухлый?

— Я прочитал про Евгения Леонова и подумал: «Может, я буду более интересен и выра-зительнее, если поплотнее?» — и стал сознательно полнеть: много пива пить и есть пельме-ни с майонезом. Потолстел в неравных пропорциях: оста-лись тоненькие ножки, при этом появилось брюхо. Я по-нял, что никому такой не ну-жен, толстый я совсем необя-зательный. Некрасивый жирный мальчик. В «Солдатском дека-мероне» я как раз такой — се-мидесятидвухкилограммовый. А в фильме «Мне не больно» я уже весил, наверное, кило-граммов шестьдесят, но рых-лость сохранилась.

— Вам самому нравится результат, который вы видите на экране?

ключили из ГИТИСа за драку с преподавателем...

— Да, за три месяца до дип-лома — был нетрезв.

— За что дрались?

— Не буду это комментиро-вать. Но мне очень хочется уйти от этого образа неблагополучно-го подростка. Мне уже двадцать девять лет.

— Вы доучиваться не соби-раетесь?

— Зачем мне доучиваться? У меня не сдан только экзамен по мастерству. Но я думаю, что это свинство со стороны ГИ-ТИСа — требовать от меня этой формальности. Ведь у меня, как у актера, уже есть ка-кое-то признание. Если бы они это учли и выдали мне диплом, я бы его с удовольствием полу-чил и был бы всем благодарен, а так... Мне придется пережить какое-то количество ситуаций, которые мне неприятны, — с кем-то соглашаться, на что-то кивать, поддакивать, выкручи-ваться и считать себя обяза-ным...

— Ваша новая прическа — забота о новом имидже?

— Нет, это я у Николая До-сталя снимался в «Завещании Ленина» (сценарий Юрия Ара-бова по «Колымским расска-зам» Варлама Шаламова), иг-рал ээка, должен был быть бри-тым налысо. Но, поскольку на голове была тубетка, я полу-мал: зачем сбрасывать все? И по-просил гримеров оставить мне ирокез. Это тоже был для меня подарок — я узнал, какой До-сталя. И Досталь, мне кажется, порадовался за меня...

● Светлана ПОЛЯКОВА